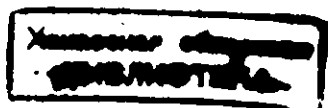

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ИСКУССТВО РУССКОГО И КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Ответственные редакторы
канд. ист. наук Л. М. Русакова
д-р ист. наук Н. А. Миненко

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ХАКАСОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Традиционная свадебная обрядность хакасов не получала должного освещения в этнографической литературе. Отдельные фрагменты брачных ритуалов нашли отражение в трудах ряда дореволюционных исследователей¹. Специальных работ, посвященных этой теме, до сих пор нет. Семейные отношения рассматривались в книге советского этнографа К. М. Патачакова². Он кратко охарактеризовал и различные формы брака. Современное состояние свадебной обрядности показано в статье М. С. Усмановой³. В нашей работе впервые делается попытка последовательно изложить весь комплекс свадебных ритуалов⁴. Основным источником для ее выполнения послужили полевые материалы, собранные автором во время экспедиций кызыльцев, качинцев и сагайцев.

У хакасов не принято было заключать браки между представителями одного сеока (*nip söök alyspas*) или, в рассматриваемое время — одной фамилии. Однако разрешалось бракосочетание в близкой степени родства по женской линии. Братья не могли жениться на родных сестрах. Два брата не женились в один год, также и две сестры в один год не выходили замуж. До тех пор пока старший брат не женился, младший не мог обзавестись семьей — считалось, что в противном случае старший брат будет несчастным (*сүрүн паса*). Девушка не могла выйти замуж в том году, когда женился ее брат. Но если сначала сестра вышла замуж, то брат мог обзавестись семьей в этом же году.

Приняв решение женить сына, родители присматривали девушку из многодетной семьи из рода, имевшего хорошую репутацию. Жених и невеста могли и не видеть друг друга до свадьбы. Собственно, слова «жених» в хакасском языке нет, хакасы говорят *оол* (парень) или *кiзö* (зять). Невесту называли *наа пала* — букв. 'новый ребенок'. Это связано с тем, что невеста входила в семью жениха на правах нового члена, ибо выделение новой супружеской пары происходило только через несколько лет после свадьбы.

Сватовство малолетних детей носило название *чахсыдаң алысханы* — брак по чести или *саблыF той* — свадьба по чести. Близкие друзья, хорошие соседи или дальние родственники, когда у одного был мальчик, а у другого девочка, договаривались их сосватать. Иногда сговаривались родители еще не родившихся детей. Это было *туях худа* — глухое сватовство. Сговор закреплялся словами: «Соединим детей, если у одного родится дочь, а у другого сын! Обменяем ездовых лошадей, если у обоих будут мальчики или девочки!» В этом случае матери детей называли друг друга *пил худаFай* — поясничная сватья, так как считалось, что у обеих дети еще «на пояснице». Когда дети достигали трех- или пятилетнего возраста, то родители

мальчика приезжали с подарками к родителям девочки. Первый приезд сватов обычно бывал летом и назывался *сура араФазы* — вино спроса. Привозили семь *торсуков* вина и семь туш баранов. Зайдя в юрту, отец мальчика, кланяясь в ноги хозяину, произносил традиционную фразу: «Мы пришли для того, чтобы раскрыть череп и обменяться мозгами. Мы пришли для того, чтобы вспороть грудь и обменяться сердцами». Если родители девочки не изменили своего решения, сваты обнимали и целовали друг друга и, обменявшись чашами, выпивали вино. Второй, осенний приезд сватов носил название *ызырФалы араФа* — вино с сережками. Родители мальчика дарили девочке коралловые сережки, которые тут же вдевались ей в уши. С этого времени девочка считалась засватанной. На следующий год весной родители мальчика устраивали *китиг араФа* — малый пир или *китиг уча* — малое застолье. Они приезжали с небольшими подарками и бочонками вина. С каждым визитом количество подарков, вина и мяса должно было увеличиваться. Следующий приезд бывал осенью и назывался *туктиг уча* — волосатое застолье, родители мальчика кроме вина и мяса привозили в подарок будущим родственникам одну овцу живьем «в волосах». Приезд сватов весной, полгода спустя, назывался *чалаад уча* — голое застолье, вместе с вином и подарками привозили «голую» тушу барана. В знак уважения к сватам родители мальчика на застолье подносили отцу девочки отваренную голову барана. С этого времени и до взросления детей родители мальчика каждый год весной и осенью привозили угощение сватам, которое называли *часхы араФа* — весеннее вино и *күс-кү араФа* — осеннее вино.

По достижении просватанными детьми 15—17-летнего возраста родители юпоши приезжали весной договариваться о свадьбе. Этот приезд носил название *молджа араФазы* — помолвка и бывал за три года до свадьбы. Следующий приезд поздней осенью именовался *тазыны уча* — застолье с быком. Тушу быка без трех конечностей (оставляли только правую переднюю ногу) расчленили по суставам (кости не дробили) и привозили на санях в подарок родителям девушки. Здесь родственники невесты, назначенные ее родителями, считали все кости у привезенного быка. (Если не досчитывались костей из особо значимых (первые два ребра, первые позвонки и др.), то считали это за оскорбление. Мог произойти и разрыв.) Потом весной делали угощение *тамжылы араФа* — вино с табаком. Помимо нескольких бочонков вина родители жениха привозили в подарок свату орнаментированную хакасскую трубку и вышитый кيسет с табаком.

Очередное, осеннее угощение носило название *халхты уча* — масляное застолье. К родителям девушки привозили до девяти котлов топленого масла, столько же кожаных мешков с сырцами (*ничрб*) и столько же мешков сыра (*нызылах*). Следующий, весенний приезд был известен как *талФаннь араФа* — вино с талканом или *тал Фаннь уча* — застолье с талканом. Родители жениха готовили

девять котлов ячменного и черемухового талкана. Сверху талкан заливали топленным маслом толщиной в три—четыре пальца и замораживали. Мать девушки разрубала замороженный талкан пополам, и все смотрели толщину масла. Если его было меньше толщины двух пальцев, то родители жениха могли прослыть скупыми. (К началу XX в. вместо девяти котлов привозили уже один котел и восемь маленьких казанков. Большой котел талкана отец девушки оставлял у себя, остальные посылались в гостиницу родственникам, в первую очередь дяде певесты по матери (*тайы*). Следующее, осеннее угощение называлось *нас атты* арафа — пир в честь получения лошади за невесту. Жених приводил коня без седла, но в серебряной уздечке и вручал отцу девушки. Последний дарил парню шелковый кушак. Заключительное угощение делалось весной в год свадьбы и называлось *улу* арафа — великий пир или *улу* уча — великое застолье. Сваты приезжали с большим количеством вина и договаривались о дне свадьбы. Согласно хакасским традициям, свадьба устраивалась летом перед сенокосом, когда трава подрастала на длину мухура (расстояние между вытянутым большим и согнутым указательным пальцами), и обязательно на третий или пятый день новолуния.

При сватовстве по чести заключительным обрядом был своего рода девичник (*теенджек*). За неделю до свадьбы невеста собирала своих подруг (обычно семь). Приглашалось такое же количество парней, которые обеспечивали уход за лошадьми девушек. В очень богатых семьях на *теенджек* собиралось до 30—50 девушек и парней, одетых в лучшие наряды. Невеста и ее подруги обязательно надевали шелковые платья с парчовыми наплочниками, девичьи халаты (*сикпен*), а на голову — свадебные шапочки (рис. 1). У качинцев такая шапочка называлась *сахпа*, а у сагайцев — *таҒаях*. В течение недели вся компания верхом на лоша-

Рис. 1. Невеста в свадебной шапке (*сахпа*).

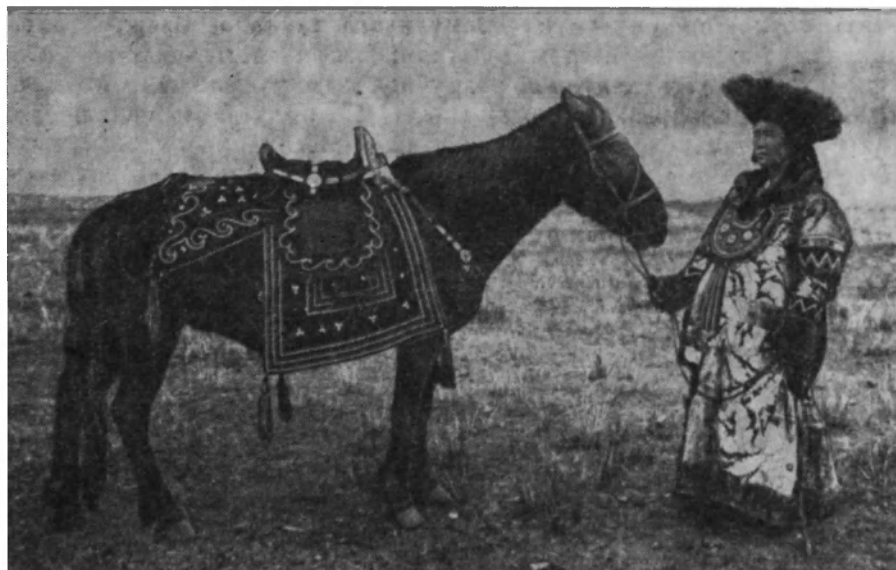

Рис. 2. Сваха

дях объезжала родственников невесты, которые угощали молодежь и делали свадебные подарки. Во время *теенджека* молодежь пела и веселилась. Затем эта кавалькада возвращалась к дому невесты, где вечером устраивали девичий праздник — *хыс тойы*. Утром от жениха приезжали свахи верхом на украшенных конях вместе с обозом вина. Все они были в красивых костюмах, состоявших из свадебной шубы (*идектиг тон*) с безрукавкой (*сегедек*) (рис. 2). На грудь вешали вышитый бисером и перламутром нагрудник (*нофо*), на голову поверх платка надевали свадебную шапку (*тулгу нѳрик*), а к косам прикрепляли большие коралловые серьги (*ызырфа*). На эти серьги шло 12 кораллов, в том числе четыре крупных. Хакасская женщина должна была иметь свой костюм. Ношение одежды с чужого плеча осуждалось.

Среди свях выбиралась главная (*нас худафай*), которая обычно являлась старшей невесткой (*ниге*) жениха. Свахи увозили невесту от родителей на собственно свадьбу (*улуф той*). Вместе с ней ехали ее родственники и молодежь, бывшая на теенджеке. Родители невесты на свадьбе не присутствовали и в течение года не имели права навещать свою дочь.

Невеста ехала на свадьбу верхом на своем копе, держась за чембур, а ее старшая сестра или старшая невестка (*ниге*) вела лошадь на поводу. Лицо у девушки до конца свадьбы закрывалось платком. За ней тянулся обоз, нагруженный приданым (*ис*), включавшим в себя до девяти сундуков с утварью, одежками, постельными принадлежностями. Все это готовила для новой семьи мать невесты. Род жениха ничего не выделял.

При браке по чести калым не платили — считалось, что он окупался подарками и угощениями за многие годы. Заключение брака в такой форме практиковалось только в байских семьях. Основной же формой заключения брака было похищение девушки с последующей уплатой калыма. Обычно влюбленные сами договаривались о дне и времени похищения. В залог верности (*киртиc*) парень получал какой-нибудь предмет ее туалета — колечко, перстень или платок. Если невесту для парня выбирали его родители, они посылали сваху (*ар'ычаң кизи*), которая переговаривала с девушкой втайне от ее отца и матери. Иногда к помощи подобной свахи обращались сами парни, не осмелившиеся подойти к предмету своей любви. За свои услуги сваха получала вознаграждение (*тил чобаа* — за муки языка) — овцу или даже лошадь. Иногда совершали насильственный увоз девушки (*тухтаж*), положив ее поперек седла, грудью на переднюю луку. При таком увозе ее вынуждали дать согласие на брак.

Наутро после похищения посылали родителям девушки нарочного, который, не слезая с лошади, объявлял, где находилась «потеря». Отец похищенной девушки собирал отряд в 20—30 чел. и отправлялся за нею. Родители жениха выходили к погоне с вином в руках и, кланяясь, говорили: «Мы виноваты, так как совершили кражу. Теперь дитя наше, а голова ваша». Отец девушки требовал привести к нему дочь. Группа женщин вводила ее в женскую половину юрты и, заслонив собой, учила, как отвечать. Если девушка отказывалась от этого брака, то участники погони увозили ее домой, получив «за бесчестье» 25 руб. Если девушка сообщала, что согласна выйти замуж, то приехавшие садились за стол и начинали разговор о калыме. Его обычно назначал отец девушки. Калым платили сразу. Отец жениха клал требуемые деньги на блюдо, застеленное белым платком. Отец невесты заворачивал деньги в этот платок и отдавал кому-нибудь из сопровождавших его лиц для подсчета. Если предложенная сумма расценивалась как недостаточная, то по уговору остальные деньги отдавали во время «мировой». У кызыльцев калым платился скотом — по три — девять голов.

Полученный калым отец невесты обычно распределял между своими сыновьями и братьями. При этом все, кто получал долю из калыма, обязан был участвовать в наделении невесты приданым (*инчи*), состоявшим из скота, который выделяли ей осенью, года через два-три после свадьбы. Приданое, по обычаю, должно было стоить немного меньше калыма. Как говорили: «*Хыстың үлүзі хысха*» — «Доля дочери короткая». Помимо калыма отец жениха обязан был подарить отцу девушки хорошего коня, который назывался *нас ат*. Баи выставляли двух или трех *нас ат* («за голову невесты»). Приезжие могли покуражиться и потребовать лошадь определенной масти. Полученный *нас ат* отец невесты мог подарить своему брату, зятю или крестному отцу дочери. В свою очередь, когда невеста приезжала за приданым, она от них получала *изер ат* — лошадь во всем убранстве. Когда, наконец, дело считалось улаженным,

то участники погони требовали от жениха «штраф» (*ат чобаа*) за пот лошадей в размере 25 руб. Эти деньги делились между всеми участниками *сургуна*. В некоторых случаях отец невесты требовал *халых парызы* — отработки жениха за невесту летом в страду. Только после того, как все необходимые по обычаю дела были решены, участники погони, угостившись, возвращались домой. Таким образом, на этом этапе свадебной обрядности происходила своеобразная покупка жены. По этому поводу хакасская пословица гласила: «*Саан алза — сун полар, садын алза — хат полар*» — «Если надоншь — будет молоко, если купишь — будет жена».

Сагайцы и кызыльцы на следующий день после привоза молодой в дом мужа устраивали *кичиг той* — малый праздник по случаю заплетания волос. Косички невесты расплетали и заплетали волосы в две косы. У качинцев этот обряд выполнялся на собственно свадьбе (*улуF той*).

Прическа хакасской женщины имела определенное значение. Согласно обычаям, девушки послали косички (*сурмес*), заплетенные по часовой стрелке (*оҕар*). Замужняя женщина послала две косы (*тулун*). Старая дева заплетала три косички *сурмес*. В том случае, когда девушка рожала внебрачного ребенка, она обязана была носить одну косу (*киджеге*), что считалось большим позором. На празднике *сас тойы* обряд расплетения косичек возглавляла жена старшего

брата (*ниге*) жениха, или его старшая сестра (*нидже*), или жена дяди по матери (*кди*). Расплетавшая косички называлась *пазыртхан идже* — посаженная мать (букв.: мать, поклоняющаяся невесту) и отвечала за все основные ритуалы, связанные с невестой. Она надевала такой же костюм, как и сваха (рис. 3).

С северной стороны юрты родители из трех березовых жердей, крытых корой, устанавливали свадебный шалаш (*алачых*) с дверью на

Рис. 3. Посаженная мать и невеста.

восток. У сагайцев он носил название *харанды*. Невеста во время всего праздника *сас тойы* обявана была находиться в этом свадебном шалаше. Здесь же ей распускали волосы и заплетали две косы. *Пазыртхан идже* находилась у правого плеча, а ее свояченица (*абызын*) — у левого. Согласно обычаю, концы своих волос замужняя женщина никогда не завязывала, а вплетала в них накладные косы (*суҒынды*). Обычно женщина носила три *суҒынды*, две в правой и одну в левой. Некоторые вплетали до девяти накладных кос. К заплетенным волосам невесты посаженная мать сразу же прикрепляла одну *суҒынды*, сделанную из своих волос, а другую — из волос жениха. Последняя называлась *зоных хуаҒы* — броня жизни.

До XIX в. хакасские мужчины носили косичку (*киджеге*), от которой отрезали прядь для накладной косы невесты. Еще в начале XX в. с головы жениха выстригали три клока волос, которые соединялись с правой косой жены и служили ей оберегом. Если женщина, находясь при смерти, долго мучилась, то считали, что *суҒынды* мужа не давали ей расстаться с ним. Тогда ей расплетали волосы и освобождали от «брони жизни». Вдова по смерти мужа расплетала косы и навсегда убирала *суҒынды*.

Начиная со свадьбы, замужние женщины заплетали свои волосы против часовой стрелки (*тискер*). После смерти мужа хакаски, оставляя концы волос распущенными, заплетали свои косы по часовой стрелке (*оҕар*), т. е. так же, как и девушки. Если женщина имела родных братьев, то со стороны затылка ей прилетали по малепькой косичке (*тулуҕ сурмези* или *тулуҕ палазы* — т. е. «дтиа косы»). Носили их до тех пор, пока были живы братья. Этой прической показывали свою связь с родом отца.

После того как невесте заплели косы, приносили отваренную правую переднюю голень (*чода*) забитого на свадьбу скота. Тонкий конец этой кости обматывали белым платком. Посаженная мать, держа в руке мосол за обмотанную часть, проводила им три раза по волосам невесты и говорила: «Пусть волосы будут длиннее колена, пусть косы будут толще этой голени!» Затем она загадывала: «*Онар ба, тискер бе?*» — «Удача или невезение?» Молодые люди кричали: «*Тискер!*» — «Невезение!» По поверью, у благословивших, не достигших 40 лет, выходило все наоборот. Пожилые говорили: «*Оҕар!*» — «Удача!» Все присутствующие желали молодоженам счастливой супружеской жизни. После этого посаженная мать бросала мосол из дверей шалаша в толпу поджидавших молодых парней (у качинцев его бросали на главной свадьбе из новой юрты). Начиналась спортивная борьба за овладение брошенной *чода*. Победивший в этой схватке, как считалось, счастливо женится. Победитель подходил к какому-нибудь старику и говорил: «*Поешь сала!*», засовывая эту кость ему заду за кушак.

На *сас тойы* резали только овец. Свиному здесь запрещалось употреблять. Огонь в кострах зажигали только от огнива и спичками не пользовались.

Через неделю *сас тойы* родители жениха с двумя-тремя бочонками айрачного вина отправлялись к сватам на мировую (*чарас*).

У качинцев на мировую ездили после свадьбы. А сагайцы и кызыльцы делали несколько мировых. Первая называлась *кичиг чарас* — малая мировая. На нее приезжали одни мужчины, которых частенько встречали кнутом. Здесь платили недостающий калым. Следующий приезд носил название *улуҒ чарас* — большая мировая. На ней окончательно решали вопрос о проведении свадьбы, о сроках приезда невесты на *тӧргин* к родителям, о числе гостинцев для родственников и т. д. Когда приезжали в дом родителей невесты, то отец жениха, держа бочонки с вином под мышкой, кланялся в ноги свату и произносил: «Если скажешь: „Выйди!“ — буду твоим верным псом; если положишь в огонь — буду твоей головней; если войдешь в воду — буду твоей опорой; если поднимешься в гору — буду твоим посохом; если скажешь: „Войди в дом!“ — буду твоей родней!» Если приехавшие на мировую сумели пройти на почетную сторону юрты (*тӧр*), то, согласно обычаю, с ними уже не перепирались. Почевать у сватов не разрешалось. Приехавшие издалека шли ночевать к соседям. Все привезенное вино (*часар араҒазы*) на мировой выпивать не полагалось.

Примерно через месяц или полмесяца после похищения невесты, как только провели мировую, делали свадьбу *улуҒ той* — большой праздник. У качинцев накануне проведения собственно свадьбы устраивали *хыс тойы* — девичий праздник или *кичиг той* — малый праздник. Обычно родственница жениха, исполнявшая роль посаженной матери, увозила невесту к себе домой. Здесь делали угощение для молодежи. Вина, как правило, не подавали. На мясо забивали только овец. Жених на празднике *хыс тойы* не присутствовал. Невеста надевала свадебный наряд с обязательным головным убором (*сахна*). Вечером на этом празднике устраивали гуляние молодежи *хыс ойны* — девичий хоровод. Парни и девушки собирались в две группы и, медленно пританцовывая, распевали песни. На празднике *хыс тойы* посаженная мать (*пазыртхан идже*) и ее муж (*пазыртхан паба*) исполняли роли матери и отца невесты. Возможно, в отдаленные времена качинцы невест не умыкали, а по чести приводили их из дома родителей. Проведение девичьего праздника *хыс той* было своего рода долговым обязательством. Впоследствии родители жениха устраивали праздник для детей тех родственников, которые исполняли роль посаженных матери и отца.

На следующее утро за невестой приезжали свахи (*худаляр*). В это время невесту прятали (*хыс тискір*). Главная сваха (*пас худаҒай*) оставалась на месте проведения праздника *хыс тойы*, а на поиски девушки отправлялись другие женщины, взявшие на себя ее обязанности. В той юрте, где находили невесту, делали угощение. Затем девушку приводили в дом ее посаженных родителей, откуда она должна была отправляться к жениху. Сам жених за невестой не ездил. Вместо него посылали младшего брата или близкого младшего родственника. Этого заместителя жениха называли *кичиг оол* — малый жених. Совершали обряд *хыс тартыр* — вывод девушки. Посаженные родители садились за стол. *Кичиг оол* вместе с невестой кланялся им в ноги. Затем подросток подносил им чашу с вином и про-

сил разрешения вывести невесту. Он брал ее за руку, выводил из юрты, помогал сесть на лошадь и до усадьбы жениха вел за собой лошадь в поводу. Этот ритуал, возможно, был связан с обычаем деви́рата.

В то время, когда девушка находилась на девичьем празднике *хыс тойы*, в доме жениха справляли *иб тойы* — праздник новой юрты. При браке по чести юрту начинали строить заранее, а если сын не был просватан, то как только он объявлял о намерении жениться, юрту устанавливали с северной стороны неподалеку от юрты родителей. Во время проведения *иб тойы* совершали ритуальное зажигание очага и кормление «хозяйки огня». Огонь для новой юрты приносил из родительского очага дядя жениха по матери (*тайы*). По этому поводу хакасская поговорка гласила: «*Оолнуң оды наа ибде, хыстың оды чонда*» — «Сын зажжет огонь в новой юрте, дочь зажжет огонь у людей».

Свадебный поезд, прибывший с праздника *хыс тойы*, сначала объезжал селение три раза по ходу солнца. Затем жених принимал из рук своего «заместителя» поводья лошади, на которой приехала невеста, а свахи помогали ей сойти. Посаженная мать заводила девушку в новую юрту и усаживала за полог. В это время жених снимал с коня невесты седло и потник, заносил их в юрту и клал в ногах постели. По обычаю, эти седло и потник должны были находиться здесь в первую брачную ночь. У кызыльцев невеста, заходя в юрту, бросала собраннейшей молодежи и детям свои бусы, говоря: «Девять бусинок бросаю, пусть будет полноценная жизнь у меня; семь бусинок бросаю, пусть будет долговечной жизнь у меня!» Такой ритуал назывался *сас таланы* — счастье волос.

В первый день собственно свадьбы *улуҕ той* мать жениха стелила брачное ложе. Согласно поверьям, стелить надо было в обеденное время (*хүн тузы*), чтобы молодые супруги долгие годы видели солнце. В новую юрту приглашалась пожилая женщина, вырастившая многих детей и повдвая. Она благословляла: «На почетной стороне юрты пусть будет крепко стоять колыбель. Пусть будет много братьев! В изголовье кровати пусть будет крепко стоять люлька. Пусть будет много сестер!»

В день приезда невесты с праздника *хыс тойы* совершался ритуал поклонения луне и солнцу (*айҕа-күнҕе пазыртханы*.) У кызыльцев и сагайцев (за исключением подтаежных жителей) этот обряд делали на празднике *сас тойы*. После заплетения волос на невесту надевали свадебную шапочку (*сахна*) задом наперед, косы прятали под воротом платья, а лицо закрывали платком способом *тумах*, т. е. оставляя открытыми только глаза. *Пазыртхан идже* накрывала невесту суконным халатом и выводила за собой из помещения. Чтобы невеста не оступилась, ее поддерживала еще одна женщина. Перед юртой они делали три круга по ходу солнца и кланялись сначала на восток, потом на юг и затем на запад три раза. В этот момент почетный старец, находившийся с южной стороны от юрты, благо-

Словлял:

Пусть сверкает под солнцем твой дом с серебряными воротами!
Пусть живет до седины твое дитя, поклоняющееся солнцу!
Пусть сверкает под луной твой дом с золотыми воротами!
Пусть живет до белых седины твое дитя, поклоняющееся луне!

Кызыльцы стелили обычно белую кошму, на которую ставили невесту и жениха. Посажёная мать накрывала их белым платком и три раза поворачивала по солнцу. Затем белый платок с головы жениха и невесты хватили холостые парни. Должен был успеть схватить тот, кто собирался вскоре жениться. Этот ритуал поклонения луне и солнцу был своего рода венчанием и присягой на верность в супружестве перед высшими светилами. Этот ритуал совершали только для тех, кто женился в первый раз, в редких случаях — при повторном браке и никогда — при третьем.

К шапке посажёной матери (*назыртхан идже*) был приколот *чалама* из белой и красной ленточек. Когда после ритуала поклонения луне и солнцу женщины заходили обратно в юрту, то ватага парней старалась схватить с ее шапки *чалама*. Обычно это удавалось молодому человеку, чья свадьба должна быть следующей. *Чалама* как символ счастья (*блджей*) передавался от свадьбы к свадьбе.

Следующим ритуалом было поклонение домашнему очагу — *отха назыртханы*. Невесту усаживали на белую кошму в ногах огня — у очага со стороны дверей или с северной, женской стороны юрты. С почетной стороны, в «головах» огня, находилась мать жениха. Она держала в руках три березовых шампура, на каждом из которых были насажены по три кусочка сала и по три *чалама* из белой и красной ленточек. Если женился единственный сын, то невесту обводили вокруг очага три раза по солнцу. Если у жениха были еще братья, то девушку сразу садили к очагу. Во время поклонения огню свекровь бросала в огонь березовые шампуры с салом, а два почетных старца, сидящих с мужской стороны и невдовых, читали благословление: «Пусть перед очагом паходится колыбель! Пусть за очагом будут дрова! Живи до тех пор, пока твои белые зубы не пожелтеют и черная голова не побелеет!» У кызыльцев невеста, кроме этого, три раза по движению солнца обходила очаг и три раза помещивала суп в казане. В это время посажёная мать произносила: «Котел мепают ковцом, а женщины учат плетью!»

После поклонения огню совершали кормление невесты ритуальной пищей (*поджа потхы*). Готовилось это блюдо из отваренной части конского желудка (*тас харын*) и прямой кишки коровы (*хосханал*), которые крошились и заливались *поджа*, т. е. отходом от перегонки айрана с добавлением муки. Бойкая, невдовая старушка, к подолу которой был привешен колокольчик, брала в руки деревянное корытце с ритуальной пищей и совершала обход вокруг огня три раза по движению солнца, подпрыгивая и делая эротические движения. В это время два старца, сидящие с южной стороны очага, произносили ритуальную формулу: «Край твоего женского органа имеет раю. Мы будем лечить ее барсучьим салом! Край твоего муж-

ского члена имеет рану. Мы будем лечить ее заячьим жиром!» Обойдя три раза вокруг очага и угостив всех желающих, старушка с ритуальной пищей подходила к невесте. Рядом с невестой ставили мальчика — представителя рода жениха. Им давали съесть по ложке *поджа потхы*. Затем старушка намазывала семь щепок ритуальной пищей и, говоря: «Это детский кал» (*пала чычаҒы*), клала их на передний подол халата невесты. Следующие три щепки с *пожда потхы* она клала на задний подол и говорила, что это навоз скота (*мал арыҒы*). Один из почетных старцев произносил благословение: «Пусть передний подол вашей одежды топчут дети, пусть задний подол вашей одежды топчет скот!» Заводили в юрту собаку и крутили ей уши. Когда собака визжала, то окружающие говорили: «О, ребенок будет плаксивый». Затем ей давали слизывать *поджа потхы* с щепок, лежащих на подоле невесты. После этого приглашались в юрту холостые парни и все желающие, которым давали по одной ложке ритуального блюда. Считалось, что отведавший *поджа потхы* быстро женится и у него будут дети. На этом заканчивались основные обряды посвящения невесты в жены, и вступал в силу обычай пзбегания (*хазынас*).

Вечером устраивали *харааҒы уча* — ночное застолье. Люди садились вокруг большого казана, для которого в земле выкапывали очаг (*чооха*). Если брак для обоих молодых был первым, то очаг (*чооха*) выкапывали крестом. Если мужчина женился вторично, то *чооха* делали Т-образно. Огонь в свадебном очаге *чооха* зажигали только от серебряного огнива. С южной стороны от юрты делали мужское застолье (*иреннер учазы*), а с северной — женское (*илчилер учазы*). Люди садились на кошму, а вместо скатерти расстилали бересту. Поварами (*хазанджи*) на этом пириестве могли быть только мужчины. Разделывать забитый скот надо было обязательно по суставам. Ломать кости запрещалось. На *улуҒ той* обычно забивали коня, корову и овцу. Бани резали пять, семь или даже девять голов крупного скота (обязательно нечетное число).

Перед тем как начать застолье, совершали *оор-нус* — куски горячего мяса с идущим от них паром поднимали несколько раз на блюде вверх и бросали в огонь. Это было жертвоприношение духам местности. На застолье выставляли три казана спиртного. Напиток разливали по чашам специальные виночерпии (*чайзаң*). Молодежь собиралась на угощение в юрте. Вечером парни и девушки устраивали *оол ойны* — мужской хоровод. Все вставали в круг и, взявшись за плечи и покачиваясь из стороны в сторону, пели песни. Молодую выводили на хоровод (*пазыртхан идже*), но петь песни ей здесь запрещалось.

На следующий день делали утреннее застолье (*иртенги уча*). На нем молодоженам дарили деньги и подарки. Начинали с того, что молодые, поклонившись огню, подходили к родителям жениха и кланялись им в ноги. Держа в руках деревянное блюдо с мясом, они говорили: «Мы пришли просить пестрого коня, чтобы ездить в гости. Мы пришли просить белую корову, чтобы из ее молока делать айран. Мы пришли, чтобы просить посуду для продуктов.

У нас нет курицы, которая бы кудахтала. У нас нет собаки, которая бы лаяла». Родители брали с блюда мясо, а вместо него клали деньги. Остальные родственники или клали деньги на блюдо, или называли подаренное животное (лошадь или корову). Затем дядья жениха и близкие родственники по очереди приглашали всех участников свадьбы к себе домой. Такой обычай назывался *уча кôdir* — поднятие застолья.

Последний, третий день свадьбы носил название *тун той* — праздник начала семейной жизни. На нем оставались только старики и старухи, которые доедали остатки мяса (*той толарсыҒы*). Здесь разрешалось присутствовать вдовцам и вдовам. (Раньше этого времени их на свадьбу не пускали). В этот день совершали обряд введения невесты в «большой дом» свекра (*улуҒ ибге кирерге*). Закутанную в два платка молодую проводили по женской половине к очагу родительской юрты. Здесь опять посаженная мать проводила ритуал поклонения огню. Затем молодая кланялась в ноги свекру и подавала ему через третьи руки бокал вина. Отец новобрачного выпивал вино и садился за свой стол, стоящий на почетном месте перед очагом.

Молодых впервые усаживали вместе за маленький столик, находившийся на женской половине. На столик ставились две тарелки, куда крошились шашлык из печени лошади (*паар*) и поджаренная жирная кишка овцы (*чочых*). Последнее блюдо готовили в первый день свадьбы и держали до третьего дня за стропилами юрты. Молодым делали вилки из деревянных рогулек, и они каждый из своей тарелки угощали друг друга три раза. В этот момент один из стариков благословлял: «Будьте неразлучны, как рога коровы, будьте неразлучны, как уши лошади!» Затем новобрачный из своей тарелки угощал мужчин, а молодая — женщин. Их опять благословляли: «Будьте хлебосольными, будьте богатыми, будьте добрыми!». Закачивался этот обряд церемонией открытия лица и показа новых кос (*тулуҗ сыҒар*). Женщины убирали с головы молодой свадебную шапочку (*сахпа*), вытаскивали на грудь спрятанные под воротом платья косы, снимали платок и подвязывали его по-хакасски.

В этот день вручали подарки посаженным родителям (ими обычно были дядя по матери и его жена) за их работу и за проведение девичьего праздника (*хыс тойы*). *Пазыртхан идже* получала *чоочу*, состоявшую из вина и передней части туши крупного скота. Кроме того, ей дарили платок или платье. *Пазыртхан паба* дарили *нандыт* в виде задней части туши крупного скота, которую он должен был поднять. У сагайцев и кызыльцев этот подарок носил название *парҒа* или *марҒа* и делался в первый день собственно свадьбы. Грудинка крупного скота называлась *кичиг парҒа* — малая парга, и ее предлагали поднять старшей сестре или любой старшей родственнице из рода жениха. Задняя часть туши крупного скота (*улуҒ парҒа* — большая парга) дарилась дяде по матери (*тайы*) или старшему зятю (*чисте*) жениха. Они обязаны были поднять паргу двумя руками, но им всячески мешали. Поднявший, наконец, паргу произносил:

«Мы еще будем поднимать вашу паргу, мы еще придем на ваши свадьбы, мы еще возьмем ваших девушек!». Паргу везли в свой аал и там делали угощение.

Сагайцы и кызыльцы на второй день свадьбы везли новобрачную в гости к ее родителям (*хыс аалат*). Качинцы делали это только через три месяца, обычно после сенокоса, на новолуние или полнолуние. Последний этап свадьбы носил название *кузее* (у сагайцев), *хыс тойы* (у кызыльцев) или *тörгін* (у качинцев). У сагайцев на *тörгін* ехали все, кто был на свадьбе, а у качинцев — три-четыре супружеские пары из близких родственников, среди них — обязательно посаженные отец и мать, главная сваха (*нас худаФай*) и ее муж (*нас худа*). Отец новобрачного обычно не ездил. Молодая в последний раз надевала шапку *сагна*. Такую же шапку надевала девушка, сопровождавшая молодую (как правило, сестра новобрачного). Их лошадей вели за повод мужчины. На *тörгін* обязательно везли девять бочонков вина, которые выставлялись на обозрение во дворе усадьбы сватов. С их стороны выбирались люди, которые считали бочонки и проверяли их полноту. Если бочонки оказывались неполными, то это считалось родителями молодой за оскорбление.

Свадебный поезд на дороге поджидали молодые парни. Двое верховых перегораживали жердью путь и не пропускали процессию. Необходим был откуп в виде бочонка вина. Этот обряд носил название *төгө назы* — начало прогады. Молодежь хватала подвязанный белым платком бочонок с вином, называвшийся *нас ат торсыҒы*, и пропускала свадебный поезд под поднятой жердью. Сначала вся процессия объезжала аал сватов три раза по движению солнца, затем подъезжала к воротам, где ее долго не пропускали. Чтобы успокоить родственников молодой, через ограду бросали один торсуковина (*идис ахсы* — початце). Наконец, выходили навстречу семь девушек и, подвязав шелковые платки к поводьям лошадей, заводили приехавших в ограду. Сначала должен был сойти с лошади *нас худа* — муж главной свахи.

Новобрачный привозил с собой подарок (*чооча*) — целую тушу овцы со святой икуррой, но с головой и двумя конечностями (правая передняя и левая задняя не отрезались). Он ехал на *тörгін* верхом, с грузом на спине. В юрту тестя он входил с бочонком вина под мышкой и тушей барана за спиной. Сначала над новым зятем вершили «суд» (*чарҒы*). Дядя по матери новобрачной или ее старший зять нагайкой (*тогнах хамдже*) трижды стегали по спине стоящего перед ними на коленях молодого. После каждого удара бьющий благословлял: «Бью крученым кнутом, чтобы стали мы вечными родственниками! Бью шпигтой нагайкой, чтобы стали мы крепкими родственниками! Бью длинным бичом, чтобы стали мы нераздельными родственниками! Уважай старших и почитай молодых!» В это время старшая невестка (*ниге*) или старшая сестра стегала березовым прутиком по пояснице молодуху и приговаривала: «Пусть не бьется у тебя посуда, пусть хорошо готовится у тебя пища!»

Затем новобрачные кланялись родителям молодой. Они становились на колени и, опустив головы, держали в вытянутых руках

Основные элементы свадебного комплекса хакасов

Этническая группа	Похитительные (мульти) и погоня (сургут)	Праздник волос (сас тобы)	Девичий праздник (экс тобы)	Мировая (чарас)	Поклонение солнцу и луне	Поклонение домашнему очагу	Бросание голени (чоба)	Ритуал с пищей (лобжа потык)	Дарение парги	Праздник у родителей невесты (тобрайн)	«Суд» над женихом и его испугание
Качинцы	+	-	+	После свадьбы	+	+	+	+	+	Через 2—3 месяца после свадьбы	+
Кобаны	+	+	+	До свадьбы	+	+	+	+	+	На 2-й день свадьбы	+
Кызыльцы	++	++	-	Тогда же	++	++	++	++	++	Тогда же	++
Сагайцы	++	++	-	»	++	++	++	++	++	»	++
Сагайцы-подсажылы (блярусницы)	++	++	-	»	++	++	++	++	++	»	++
Бельгыры	++	++	-	»	++	++	++	++	++	»	++

по две чаши с вином. До тех пор пока родитель не примет правую чашу и не поднимет рукой голову молодого, они не имели права вставать. Так они кланялись всем сидящим за столом братьям хозяина. После этого молодую усаживали на почетное место, а нового зятя выводили во двор, где ему предлагали тремя ударами разрубить чурку. Неудача считалась позором и расценивалась как плохой признак. Однако родственники со стороны новобрачного могли пойти на хитрость или объявляли достаточным, если ему удавалось отрубить с края чурбана щепку.

Отцу молодой привозили в подарок *нас ат ханзазы* — орнаментированную трубку и вышитый кисет. Все участники торгина совместно раскуривали эту трубку. Матери молодой от имени зятя дарили *имджек афы* (подарок за материнское молоко), состоявший из платя или платка и 25—100 руб. деньгами, а на севере Хакасии обычно приводили ей дойную корову. У кызыльцев подарки, привозимые на торгин, назывались *пазыртыF* (поклонение). От имени зятя дарили тестю и его братьям одежду, платки, платя или дорогие материи. Получивший *пазыртыF* обязан был принять участие в выделении приданого для молодой.

На торгин приезжали под вечер. Следующим утром девушка, сопровождавшая новобрачную, варила *чооча*, и все родственники собирались на трапезу. Голова торжественно вручалась свату. В это время отец молодой называл выделяемое ей приданое. Затем ее дядя

по очереди приглашали к себе всех пирующих. Молодые к каждому из них заходили с бочонком вина, а те обязаны были принять участие в выделении приданого и во время застолья называли будущие подарки. Кто выделял скот в приданое невесте, тот в дальнейшем от родителей жениха получал в награду одежду или платье (*кип кизирт*).

Молодая и все приехавшие на торги должны были находиться здесь три дня. На третий день приехавшие сваты возвращались назад. Молодой давали подарок *нандыт* или *чооча* — флягу вина, мешок гостинцев и заднюю часть туши барана. По обычаю, у курдюка подаренной части туши обрезали кусочек, дабы из родительского дома не ушло счастье. Молодые, вернувшись в свой новый дом утром, делали угощение для своей родни. На этом свадебные обряды заканчивались.

Свадебная обрядность хакасов, несмотря на некоторые локальные варианты, в целом была одина для всех этнических групп (см. таблицу). В этих обрядах отразились пережитки различных исторических эпох, социальных норм и религиозных верований. Многие элементы хакасской свадебной обрядности являлись общими для народов Южной Сибири, что говорит об их древних этнокультурных связях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Катанов Н. Ф.* Отчет о посадке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Учен. зап. Казанского ун-та. Казань, 1897. — Кн. 3. — С. 1—50; Кн. 5—6. — С. 1—53; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор долины Южного Енисея. — Минусинск, 1900.

² *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.). — Абакан, 1958.

³ *Усманова М. С.* Элементы традиционной обрядности в современной хакасской свадьбе // Полевые исследования Института этнографии. 1976. — М., 1978. — С. 94—99. См. также: *Паумова О. Б.* Хакасы (свадебная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980. — С. 24—26.

⁴ Автор отчасти обращался к этой теме в статье «К истории семьи и семейного права хакасов (XIX — начало XX в.)» // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX в. — Новосибирск, 1987.